

*ГИРЬКО Сергей Иванович*¹

¹ Федеральное казенное учреждение Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации (ФКУ НИИ ФСИН России), Житная ул., 14, ГСП-1, Москва, 119991, Россия.

<https://orcid.org/0000-0003-0344-0573>

¹ Гирько Сергей Иванович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, Заслуженный деятель науки РФ. E-mail: syvorina959134@mail.ru

СООТНОСИМОСТЬ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СРЕДСТВ ДОКАЗЫВАНИЯ, ИСПОЛЗУЕМЫХ В УНИФИЦИРОВАННОЙ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Аннотация

Предмет/тема. Соотносимость процессуальных средств доказывания, используемых в унифицированной процессуальной форме досудебного производства.

Цели/задачи. Проблема дифференциации и унификации досудебного процессуального производства, несмотря на проявляемое к ней внимание ученых, продолжает оставаться актуальной. Сама процедура и ее компоненты: система доказывания, доказательства, допущенные в условиях такого судопроизводства, до настоящего времени не индивидуализированы. В статье по итогам исследования автор приходит к выводу о том, что полноценная дифференциация процессуальной формы по УПК РФ не произошла. В частности, процедура унифицированного дознания не соотносится с источниками доказательств, имманентными ей, они не обособлены в соответствующем разделе кодекса. Предлагается решение названных проблем.

Методология. Анализ, синтез, сравнение, абстрагирование, постановка проблемы, построение гипотез, конкретизация, мониторинг, историография.

Вывод. На основе проведенного исследования формулируется вывод о том, что дознание в ускоренной форме, как процессуальная форма досудебного судопроизводства, во многом соответствуя характеристикам дифференциации, тем не менее, нуждается в адекватных уточнениях: индивидуализации требует как сама система доказывания, так и средства доказывания, используемые в условиях данной процессуальной формы вплоть до степени адекватного соответствия друг другу, то есть соотноситься. Предлагается решение проблемы.

Ключевые слова: *дифференциация процессуальной формы досудебного производства, унифицированное досудебное производство, доказательство, средства доказывания, источники доказательств, фактические данные, любые сведения.*

Criminal procedure law

Sergey I. Girko

Chief researcher of the PKU research Institute of the Federal penitentiary service of Russia, doctor of legal Sciences, professor, Honored scientist of the Russian Federation. E-mail: syvorina959134@mail.ru

THE CORRELATION OF PROCEDURAL MEANS OF PROOF USED IN THE UNIFIED PROCEDURAL FORM OF PRE-TRIAL PROCEEDINGS

Abstract

Subject / topic The adequacy of the means of proof used in the unified procedural form of pretrial proceedings.

Goals/tasks The problem of differentiation and unification of pre-trial procedural proceedings, despite the attention of scientists to it, continues to be relevant. At the same time, not only the procedure itself, but also its components: the system of evidence, evidence admitted in the conditions of such proceedings have not been individualized to date. In the article comes to the conclusion that a full differentiation of the procedural form under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation has not occurred. In particular, the procedure of unified inquiry does not correlate with the sources of evidence inherent in it, they are not isolated in the relevant section of the code. The solution of the above problems is proposed.

Methodology Analysis, synthesis, comparison, abstraction, problem statement, hypothesis building, specification, monitoring, historiography.

Conclusion On the basis of the conducted research comes conclusion that inquiry in the accelerated form of procedure form of pre-trial proceedings largely matching the characteristics of differentiation, however, needs to be clarified: individualization requires, as the system of proof and evidence the sources of evidence used in the terms of this procedure. A solution to the problem is proposed.

Keywords: *differentiation of the procedural form of pre-trial proceedings, unified pre-trial proceedings, evidence, means of proof, sources of evidence, actual data, any information.*

Российский уголовный процесс, решая проблему поливариантности процедуры досудебного производства, прошел путь от фактического разделения процессуальных форм к двуединой уголовно-процессуальной форме досудебного производства в советском уголовном процессе, во многом схожих, но имеющих ряд незначительных отличий: дознания и предварительного следствия, законодатель в 80-е годы прошлого века допустил в советский уголовный процесс протокольную форму досудебного производства по делам о преступлениях, распространив ее сначала на небольшое количество преступлений, очевидных и незначительных, а затем расширив до 98 составов преступлений. Работа по ускоренной и упрощенной процедуре очень быстро была освоена правоприменителями, в основном милицией, на долю которой пришлось до 98% всех процессуальных производств названной категории. В постсоветское время протокольная форма досудебной подготовки материалов, как правовой институт, была упразднена и по существу вариативность процедуры досудебного производства была ликвидирована. Спустя пятнадцать лет новый Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее УПК РФ) регламентировал очередную вариативность в виде – дознания в сокращенной форме. Но, как представляется, и она по своему содержанию в полной мере не отвечает потребностям практики, не является до конца дифференцированной, не содержит отдельных обязательных признаков, международных стандартов

таких производств. В частности, для унифицированного дознания не завершено формирование имманентных ему источников доказательств, они не обособлены в соответствующем разделе кодекса и тем самым не являются соотносимыми.

Автором предлагается свой взгляд на решение названных проблем.

Так, не вызывает сомнений, что в ходе следственной и судебной работы, направленной на подтверждение или наоборот, исключение выдвинутого обвинения субъект уголовно-процессуальной деятельности направляет ее на обнаружение и последующую «очистку» до уровня истинного (достоверного) знания информации о преступном событии. В юридическом лексиконе каждый такой факт о самом событии или отдельном его элементе получил название – доказательство (фактические данные). В справочной литературе под ними понимаются «предусмотренные уголовно-процессуальным законом способы получения фактических данных, подтверждающих или опровергающих существование фактов, интересующих суд».¹ «Достоверность доказательств – означает соответствие их действительности».² В формате нашего исследования важным представляется и то, что приведенный справочный источник к доказательствам относит - «объяснение сторон и третьих лиц».

Характерно, что целью нашего изучения, сформулированной и обозначенной в названии настоящей статьи, - не только развернутое описание присущих черт, но и соответствие им особенностей нормативного выражения с точки зрения теории уголовного процесса и практики осуществления поливариантного (ускоренного и упрощенного) досудебного производства средств получения информации, используемой в обосновании обвинения в условиях вариативной процедуры расследования на примере дознания в сокращенной форме.

В статье автор на основе анализа положений российского (советского) уголовно-процессуального законодательства разных периодов (1923,1960,2001) в части регламентации понятий «доказательство», «источник доказательства», «средство доказывания», правового положения современного дознания в сокращенной форме и практики предварительного расследования (дознания и предварительного следствия), выдвигает гипотезу о том, что поливариантность (дифференциация) процессуальной формы по УПК РФ не является адекватной и должна быть законодательно уточнена.

Истинность (правдивость, достоверность) информации о событии преступления, несомненно, претендует на роль одного из доминирующих свойств, которому должно соответствовать доказательство, чтобы обладать отведенным ему качеством – отражать факт события прошлого. Они таким

---

¹ Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Г. Крутских. -2-е изд., переаб. и доп. – М.: ИНФРА – М, 2002. С.584.

² Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Г. Крутских. Там же. С.180.

образом должны быть соотносимыми.

Отношение специалистов к данному явлению неоднозначно.

Известный советский ученый-процессуалист М.С. Строгович писал, что «Достоверный – это то же самое, что истинный, достоверность – это значит истинность»¹.

По мнению известного знатока русского языка В.И. Даля, к примеру, «Достоверность - стоящий вероятия, вполне верный, истинный, несомненный»², а по данным составителей Советского толкового словаря - «достоверность – форма существования истины, обоснованной каким-либо способом (например, экспериментом, логическим доказательством), для познающего субъекта»³.

Под термином «факт» в отдельных лексических справочниках понимается «[от латинского factum-сделанное] истинное событие, реальное происшествие или явление», а под «фактическими данными - отражающее действительное состояние чего-либо, соответствующее фактам» [2, с.886].

В дискуссиях на предмет отличия двух современных поливариантных процедур предварительного расследования: дознания и предварительного следствия отдельные ученые таковых не находят [3, с.203-208].

В рамках протокольной формы досудебной подготовки материалов «собрание доказательств осуществляется путем истребования от учреждений, предприятий, организаций, должностных лиц и граждан предметов и документов, получения объяснений, а также представления доказательств названными субъектами» [4, с.22-23].

Новый УПК РФ, определяя понятие доказательства, употребил дефиницию – «любые сведения». Несмотря на значительную абстрактность такого подхода, он в среде ученых также нашел поддержку [5, с.51].

В дискуссии о проблеме доказательств известна позиция А.Б. Соловьева: «Отражаясь в окружающем мире, событие преступления порождает в нем многообразные отпечатки – следы (на материальных объектах и в сознании причастных к событию лиц). Доказательственная ценность следов определяется тем, в какой мере отразились в них обстоятельства исследуемого события» [6, с.18-19].

Отдельные исследователи, к примеру О.А. Малышева, ведут поиск возможностей усиления значения в процессе доказывания свойств отдельных средств доказывания. Говоря об использовании информации от «лиц, объяснения которых могут иметь значение для дела», она предложила «предусмотреть в УПК РФ предупреждение таковых об уголовной ответственности за отказ от дачи объяснения и за дачу заведомо ложного объяснения» [7, с.107].

Заслуживают внимания как отдельные аспекты зарубежного опыта, так

---

¹ Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М.,1955. С. 99-100.

² Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / Владимир Иванович Даль: В 4 т. – Т.1:А-З. – М.:РИПОЛ классик, 2006. С.537.

³ Советский энциклопедический словарь. М., 1981. С. 414.

и правовое закрепление досудебного производства.

Некоторые ученые Франции отмечают, что «условия очевидности, сформулированные в законе, толкуются достаточно широко, поэтому любое преступление можно рассматривать как очевидное» [8, 456].

Предельно упрощенный порядок существует в уголовном процессе ФРГ - производство об издании судебского приказа о наказании. Оно применяется по делам о проступках, подсудных единолично участковому судье¹.

Ученый Л. Вулф считает, что электронное обеспечение не только помогает оптимизации и улучшению существующих систем и процессов, но и вероятнее всего со временем оно само станет катализатором для радикальных изменений [9].

Кроме положительного опыта, в мировой практике встречаются неудачные попытки перехода уголовного судопроизводства на электронный формат.²

Б. Гордон и Н. Грей отмечают, что технология бесполезна, если она не позволяет судебной системе лучше удовлетворять потребности своих пользователей или повышать ее эффективность [10].

В научных публикациях США раскрывается суть соглашения о признании вины: «Если обвиняемый признает свою вину в совершении преступления, его первоначальное обвинение будет уменьшено (изменено), и с этого момента он получит только часть наказания – часть срока в тюрьме или пробацию, но не полномерное наказание, которое было бы ему назначено, если бы первоначальное обвинение было доказано в суде» [11, с. 131–135].

В соответствии с российским законодательством доказательство является таковым в том случае, если «любые сведения» обладают рядом обязательных признаков: относимостью, допустимостью и достоверностью. С нашей точки зрения, именно достоверность, как признак доказательства, выполняет важнейшую роль, так как именно на основе этого признака производится оценка всех сведений, собранных по делу.

В юридической литературе значение признака достоверности, как неотъемлемого свойства доказательства, воспринимается по-разному.

«Мы вправе отождествлять понятия достоверность и истинность», писал М.С. Строгович. «Достоверный – это то же самое, что истинный, достоверность – это значит истинность».³

Высказывались и иные взгляды на существо термина достоверность. К примеру, отличные от приведенного мнения содержатся в трудах А.Р.

---

¹ Strafprozeßordnung. – URL:<http://bundesrecht.juris.de/stpo/> - запрос 20.02.2021.

² Toelichtingbij het wetsvoorstel tot introductie van nieuwetelecommunicatiemiddelen procedure, Parl. St., 1999–2000, nr. 38/1 [Электронный ресурс]: https://www.researchgate.net/publication/320054975_bDe_elektronische_procesvoeringb (дата обращения: 01.03.2021).

³ Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955. С.99-100.

Ратинова¹, А.А. Эйсмана [1, с.92] и некоторых других специалистов. Однако вернемся к понятию доказательства, которое нашло закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве разных периодов становления и развития российского государства.

История уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации берет свое начало с момента принятия 5 мая 1922 года первого УПК РСФСР, «который просуществовал всего один год».²

15 февраля 1923 года ВЦИК принял новый УПК РСФСР (далее -кодекс), согласно ст.58 которого закреплено, что «доказательствами являются показания свидетелей, заключения экспертиз, вещественные доказательства, протоколы осмотров и иные письменные документы, и личные объяснения обвиняемого».³

В соответствии с законодательством того времени органами дознания являлись: милиция и уголовный розыск. Они производили дознание по уголовным делам о преступлениях с максимальной санкцией – до 1 года, то есть таким, которые не представляли значительной общественной опасности. Такие дела по окончании дознания самими органами дознания направлялись в суд после согласования с прокурором. Процессуальное производство по уголовным делам более опасным производилось следователями, которые входили в структуру Народного Комиссариата юстиции и Верховного суда. По делам названной категории производились следственные действия, в ходе которых собирались доказательства. Отличительной чертой названного кодифицированного законодательства являлось то, что органам дознания разрешалось производить следственные действия с согласия прокурора и при непосредственном участии следователя. Между тем названные процессуальные действия в ходе дознания производились крайне редко и в целом были не характерны для этой поливариантной процедуры досудебного производства.

В формате авторского анализа важно упомянуть о допустимых для дознания источниках доказательств. На этот вопрос отвечала диспозиция статьи 99, где говорилось, что «при производстве дознаний могут быть опрашиваемы подозреваемые лица и свидетели». Обыски, выемки, осмотры и освидетельствования также входили в число процессуальных средств доказывания при производстве дознания, но только в тех случаях, когда «имеются достаточные основания полагать, что следы преступления и другие вещественные доказательства могут быть уничтожены или скрыты». О таких действиях органы дознания «немедленно» сообщали прокурору. С учетом того, что следственные действия при производстве

---

¹ Ратинов А.Р. Вопросы познания в судебном доказывании. Советское государство и право. 1964. №8. С. 107.

² Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 года. Интернетресурс – https://studme.org/236562/pravo/ugolovno_protseessualnnyu_kodeks_... запрос от 08.04.2020

³ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. – интернетресурс: <https://музейреформ.рф/node/13986> от 08.04.2020.

дознания редко, но проводились, названные процессуальные средства также можно с уверенностью включить в актив органов дознания.

Закон того времени четко разделял дознание и предварительное следствие, как по субъектам производства и процедуре, так и арсеналу используемых средств доказывания. Характерно, что названные поливариантные процедуры регламентировались самостоятельными главами закона; по ним существовали обособленные системы доказывания, а также средства доказывания, которые были достаточными для процессуального производства и являлись основанием для дальнейших процессуальных действий прокурора и суда. Знаковой чертой анализируемого закона является и то обстоятельство, что ни в одной его норме не раскрывалось понятие «доказательство», что с нашей точки зрения не способствовало более точному восприятию указанного правового института.

Авторский анализ российского уголовно-процессуального законодательства разных эпох показал, что внешне схожие, но в то же время имеющие отдельные, во многом формальные, отличия, вариативные процедуры предварительного расследования в виде дознания и предварительного следствия, появились в нем с принятием уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 года.

Названный кодекс с точки зрения правовой регламентации дифференцированной процедуры досудебного производства, с одной стороны, во многом смешал дознание и предварительное следствие, но с другой, посвятив целиком пятую главу доказательствам и их средствам (источникам), конкретизировал это явление, озаменовал дальнейшее развитие уголовно-процессуального права и законодательства.

Кодекс в статье 69 раскрыл определение доказательства – «любые фактические данные, на основании которых в определенном законом порядке орган дознания, следователь и суд устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела».

Отличительными чертами анализируемого законодательного акта применительно к досудебному судопроизводству можно назвать следующие:

- на досудебных стадиях уголовного процесса он не допускал дифференциацию процедуры судопроизводства;
- для дознания и предварительного следствия был введен единый порядок производства следственных и процессуальных действий;
- была установлена единая система доказывания и регламентированы единые средства доказывания, которые применялись единообразно и вне зависимости от тяжести преступления и его сложности.

На стадии возбуждения уголовного дела при рассмотрении заявлений и сообщений о преступлении законодатель разрешил истребование необходимых материалов и получение объяснений, не производя

следственных действий. Однако это правило было также общим, вне зависимости от процессуальной процедуры досудебного производства.

Таким образом по оценкам многих специалистов предварительное расследование того времени не содержало реальной поливариантности и не редко воспринималось ими, как крайне монолитное [3,с.203-208].

По нашим оценкам реально вариативность процедуры досудебного производства ознаменовало введение в уголовное судопроизводство России протокольной формы досудебной подготовки материалов (протокольная форма).

Правовая регламентация протокольной формы вызвала необходимость включения в уголовно-процессуальное законодательство одноименных девятого раздела и главы - тридцать четыре. В них были сформированы: специфические и уникальные для названной вариативной разновидности досудебного производства система доказывания и процессуальная процедура.

В частности, по таким делам в качестве средств получения сведений об обстоятельствах совершенного преступления были допущены: объяснения от правонарушителя, очевидцев и других лиц, истребование материалов, имеющих значение для рассмотрения дела в суде.

Ранее проведенные нами исследования показывают, что предпринятые правовые и организационные меры привели к тому, что протокольная форма достаточно быстро была освоена правоприменителями, основными из которых являлись сотрудники милиции, и во многом позволила справиться с незначительными, но массовыми преступлениями того времени.

Полагаем, что, формируя правовую основу протокольной формы, законодатель совершенно справедливо выделил для регламентации этого процессуального института самостоятельный раздел Кодекса. Однако его обособление не было доведено до конца. Очевидным недостатком явилось то, что источники фактической информации, индивидуализированные для данной вариативной процедуры, не были закреплены в качестве полноценных доказательств, выполняющих роль таковых именно в рамках протокольной формы. Законодатель не вышел за пределы традиционных установок, сформировавшихся в советском, а затем и российском уголовном процессе и, в частности, консерватизма в подходе к полноценной дифференциации процессуальных производств. К сожалению, при решении данной проблемы не был учтен ни опыт Российской Империи в части регламентации полицейского дознания, ни зарубежный опыт поливариантных досудебных процедур, которые принципиально обособлены от правового порядка производства полноценного расследования.

С учетом предыстории проблемы дифференциации процессуальных досудебных производств, сведений об их особенностях на различных этапах развития российского уголовного судопроизводства, рассмотрим их особенности в рамках действующего законодательства, нюансов,

связанных с их регламентацией.

Примером такой поливариантности процедуры досудебного производства, с нашей точки зрения, может восприниматься – дознание в сокращенной форме, регламентированное главой 32.1 УПК.

Характерно, что оно, как и в прошлом, сначала дознание, а позже и протокольная форма, сконцентрировано в специальной главе 32.1 УПК – Дознание в сокращенной форме (сокращенное дознание).

В целом закрепленная в УПК вариативная (унифицированная) процессуальная форма во многом соответствует требованиям, предъявляемым к таким институтам, а также и международным стандартам подобных досудебных производств. В частности, для дознания в сокращенной форме сформирован индивидуализированный предмет доказывания, подследственность, особый предмет и процедура доказывания и иные принципиальные отличия процессуального производства.

Анализ правовой регламентации названной вариативной процедуры досудебного производства и практики ее применения в процессе документального оформления сведений о конкретных преступлениях показывает, что законодатель в очередной раз воздержался от закрепления за сокращенным дознанием специфических, индивидуализированных только для него и относящихся исключительно к нему, источников фактической информации - средств доказывания.

Обратим внимание также и на то, что законодатель изменил устоявшееся в прошлом определение доказательств как «фактических данных» на менее привычное для правоприменителя, «любых сведений». Объективности ради, следует признать, что несмотря на непривычность для правовой аудитории нового термина, его существо осталось прежним – сведения призваны являться носителями данных об обстоятельствах преступления.

Какие же средства получения доказательств в рамках действующего законодательства допущены и, соответственно, доступны для субъекта сокращенного дознания?

Не вызывающей каких-либо возражений следует признать оценку сущности доказательств А.Б. Соловьевым: «Отражаясь в окружающем мире, событие преступления порождает в нем многообразные отпечатки – следы (на материальных объектах и в сознании причастных к событию лиц). Доказательственная ценность следов определяется тем, в какой мере отразились в них обстоятельства исследуемого события» [6, с.18-19].

К этому можно добавить только то, что средства получения доказательственной информации, регламентированные законодателем и находящиеся в арсенале субъекта расследования, в данном случае – дознавателя, должны позволять ему обнаружить и использовать таковую для целей досудебного производства, независимо от ее носителя.

Возникает закономерный вопрос – имеются ли в арсенале субъекта сокращенного дознания источники доказательственной информации,

специфичные именно для такой вариативной досудебной процедуры?

Полагаем, что на этот вопрос можно ответить вполне утвердительно. Другое дело – достаточно ли их для того, чтобы, не прибегая к производству следственных действий, обеспечить ими предмет доказывания.

С нашей точки зрения, к числу таких средств, как это было предусмотрено и в процедуре протокольной формы, относятся объяснения от лиц, участвующих в деле. Отметим, что закон в этом случае допускает использование таких сведений в качестве источников доказательств и предусматривает допрос названных участников исключительно при определенных обстоятельствах.

Между тем в сознании правоприменителей статус объяснения, как самостоятельного средства доказывания, принижен. Результатом подобного восприятия названного источника сведений о преступлении является стремление зафиксировать вербальную информацию участников в формате допроса.

Позиция автора заключается в том, что в рамках ускоренного дознания именно объяснение, как процессуальная форма фиксации субъективной информации участников события преступления, должно занять место основного источника доказательственной информации.

От противников закрепления дифференциации следует ожидать возражения в части того, что в ходе опроса (получения объяснения) лицо не предупреждается об уголовной ответственности за дачу ложных показаний, как это происходит во время следственного действия - допроса.

В специальной литературе получили освещение различные подходы к проблеме укрепления доказательственного значения названного источника, о чем шла речь выше.

Кроме того, закон предписывает в принципе «не производить иные следственные и процессуальные действия», когда сведения по делу содержатся в «материалах проверки сообщения о преступлении и соответствуют требованиям, предъявляемым к доказательствам».

В последнее время проблема поливариантности и оптимизации процессуального производства, в особенности за рубежом, связывается с переводом процессуальных процедур на электронную основу.

Так, отдельные ученые Франции отмечают, что «условия очевидности, сформулированные в законе, толкуются достаточно широко, поэтому любое преступление можно рассматривать как очевидное» [16, с.456]. Тем не менее, они положительно оценивают данную форму процессуального производства, поскольку, по их мнению, «такая процедура позволяет быстро установить факт преступления, задержать преступника и закрепить доказательства, пока они не исчезли. Чаще всего досудебное производство ограничивается дознанием очевидных преступлений».

Дознание в этом случае начинается в момент обнаружения преступления. Для этого выносить специальный процессуальный акт не требуется. Срок производства рассматриваемого вида дознания законом не

ограничен, но на практике оно, как правило, продолжается не более нескольких дней. Данные, полученные судебной полицией, имеют такое же доказательственное значение, как при производстве предварительного следствия.

Предельно упрощенный порядок существует и в уголовном процессе ФРГ, где производство об издании судебного приказа о наказании. Оно применяется по делам о проступках, подсудных единолично участковому судье. На основе сведений, собранных полицией (порядок их действий уголовно-процессуальным законом не регламентирован), прокурор подготавливает письменное ходатайство о конкретной мере наказания.¹

По мнению Н.К. Вулфа «Возможность осуществления досудебного расследования в электронном формате можно рассматривать как одно из проявлений процессов глобализации, охвативших также правовую сферу» [9].

Между тем, по данной проблеме в зарубежной литературе высказано и иное мнение о том, что кроме положительного опыта в мировой практике встречаются неудачные попытки перехода уголовного судопроизводства на электронный формат. Речь в данном случае идет о системе «Phenix», которая была призвана повысить эффективность и результативность, а также упростить и ускорить процедуру расследования.²

По мнению зарубежных специалистов, проект «Phenix» можно рассматривать как крупномасштабную, но неудачную попытку перехода стадии расследования от бумажного носителя в электронный формат [11].

В этой связи полагаем преждевременным рассматривать и рекомендовать на практике возможность перевода досудебного разбирательства в электронный формат в качестве одного из возможных направлений оптимизации процессуального, и прежде всего, досудебного производства.

Заслуживает внимания в плане имплементации в России и практика сделок по признанию вины, распространенная в США [12, с.131-135].

На основе проведенного исследования авторы приходят к выводу о том, что дознание в ускоренной форме – процессуальная форма досудебного производства, во многом соответствующая характеристикам поливариантности (дифференциации), тем не менее, нуждается в уточнениях: индивидуализация требует как сама система доказывания, так и отдельные средства доказывания – источники доказательственной информации, в том числе и резюмирующие результаты оперативно-розыскной деятельности, используемые именно в условиях данной процессуальной формы.

Характерно, что перечисленные выше источники сведений об

---

¹ StrafprozeBordnung. – URL:<http://bundesrecht.juris.de/stpo/> - заповс 20.02.2021.

²Toelichtingbij het wetsvoorstel tot introductie van nieuwetelecommunicatiemiddelen procedure, Parl. St., 1999–2000, nr. 38/1 [Электронный ресурс]: https://www.researchgate.net/publication/320054975_bDe_elektronische_procesvoeringb (дата обращения: 01.03.2021).

обстоятельствах преступления позволяют, не прибегая к производству следственных действий, обнаружить и закрепить любые материальные, субъективные и интеллектуальные следы преступлений, производство по которым осуществляется в рамках ускоренного дознания и поэтому правовое закрепление их в качестве самостоятельных источников доказательств (средств доказывания), имманентных ускоренному судопроизводству, приведет к разрешению данной правовой и практической проблемы. Полагаем, что решение проблемы видится в том, чтобы названные источники фактической информации закрепить в качестве самостоятельных доказательств непосредственно для дознания, как унифицированной процессуальной формы досудебного судопроизводства, чтобы в этом случае они являлись соотносимыми.

Тем самым авторы полагают, что проведенное исследование аргументирует целесообразность закрепления в специальных нормах главы 32.1 УПК РФ всех вышеперечисленных средств получения фактических данных в качестве самостоятельных средств доказывания (источников доказательств) при производстве сокращенного дознания. Указанные источники доказательственной информации об обстоятельствах преступления тем самым смогут приобрести статус самостоятельных средств доказывания в рамках унифицированной процессуальной формы досудебного производства и приобретут характер соотносимости с конкретной процессуальной формой. В плане теоретическом, подобное решение позволит, кроме того, обеспечить реальную вариативность (дифференциацию) процессуальной формы ускоренного дознания в российском уголовном судопроизводстве.

Что же касается практической значимости исследования, то принятие предложенного концепта средств доказывания в формате вариативных (унифицированных) производств, позволит в значительной степени упростить и ускорить досудебное производство по делам, не представляющим большой общественной опасности и совершенных в условиях очевидности.

Список источников:

1. Эйсман (2004) – Эйсман А.А. Соотношение истины и достоверности в уголовном процессе. Советское государство и право. 1966. №6.
2. Кузнецов (2004) – Кузнецов С.А. Современный толковый словарь русского языка / Гл.ред. С.А.Кузнецов. – М.: Ридерз Дайджест, 2004.
3. Якимович (2013) – Якимович Ю.К. Дифференциация уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы. Вестник Удмуртского университета: экономика и право. 2013. Вып.2.
4. Леконцев, Власова, Зуев (1991) – Леконцев Ю.А., Власова Н.А., Зуев В.Л. Досудебная подготовка материалов в протокольной форме. Практическое пособие. – М.: ВНИИ МВД СССР. 1991.
5. Якимович, Пан (2003) – Якимович Ю.К., Пан Т.Д. Досудебное производство по УПК Российской Федерации (участники досудебного производства, доказательства и доказывание, возбуждение уголовного дела, дознание и предварительное следствие) – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003.

6. Соловьев (2003) – Соловьев А.Б. Доказывание по уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (досудебные стадии). Научно-практическое пособие. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2003.

7. Мальшева (2008) – Мальшева О.А. Возбуждение уголовного дела: теория и практика: монография. – М.: Изд. Группа «Юрист». 2008.

8. Rassat (1990) - Rassat M.L. Prozedure penale. Paris, 1990.

9. Woolf (1996) - Woolf H. K. Access to Justice: Final Report to the Lord Chancellor on the civil justice system in England and Wales. L., 1996. – Текст : непосредственный.

10. Gordon, Gray (1997) – Chester Gordon Bell, James N. Gray. The Revolution Yet to Happen Introduction, in book: Beyond Calculation: The Next Fifty Years of Computing. (March 1997), Springer-Verlag New York. Pp.5-32.

11. Scheers, Thiriar (2013) – Scheers D., Thiriar P. “De moeilijkewegnaarenelektronisch dossier. Nieuweprocedureregelsvanaf 1 januari 2013”, RW nr. 31, 2012-2013. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.resourceshelf.com/2008/12/20/pacer-coming-into-its-own-at-20/>.

12. Davis (2001) – Davis J.R. Criminal Justice in New York City. – New York, 1990. P. 5 (цит. по: Пономаренко С.С.) Сделки о признании вины в российском уголовном процессе // Правоведение. – 2001. – № 5.

References:

Eisman (1996) – Eisman A. A. The ratio of truth and reliability in criminal proceedings. [Sootnosheniye istinji I dostovernosti v ugovolnom processe].The Soviet state and law. 1966. No. 6.

Kuznetsov S. A. (2013) Modern explanatory dictionary of the Russian language [Sovremennij tolkovij slovar russkogo jazika] / Chief editor S. A. Kuznetsov. - M.: Reader's Digest, 2004.

Yakimovich (2013) – Yakimovich Yu.K. Differentiation of criminal proceedings: problems and prospects. [Differentsiatsiya ugovolnogo sudoproizvodstva: problem I prspektivi] Bulletin of the Udmurt University: economics and law. 2013. Issue 2.

Lekontsev, Vlasova, Zuev (1991) – Lekontsev Y. A., Vlasova N. A., Zuev V. L. Pre-trial preparation materials in the Protocol form [Dosydebnaja podgotovka materialov v protokolnoy forme]: a Practical guide. – M.: VNII MVD of the USSR. 1991.

Yakimovich, Pan (2003) – Yakimovich Yu. K., Pan T. D. Pre-trial proceedings under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (participants in pre-trial proceedings, evidence and proof, initiation of a criminal case, inquiry and preliminary investigation) [Dosudebnoje proizvodstvo po UPK Rossijskoi Federatsii(uthastniki dosudebnogo proizvodstva, dokazatelstva I dokazivaniye, vzbujdeniye ugovolnogo dela, doznanije I predvaritelnoje sledstvije)]. – SPb.:Publishing house "Legal Center Press", 2003.

Solovyov (2003) – Solovyov A. B. Proving under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (pre-trial stages) [Dokazivaniye po ugovolno-protsessualnomu kodeksu Rossijskoi Federatsii]. Scientific and practical manual. Moscow: Publishing house "Yurlitinform", 2003.

Malysheva (2008) - Malysheva O.A. Initiation of a criminal case [Vozbugdeniye ugovolnogo dela: teoriya I praktika]: theory and practice: monograph. – M.: Publishing House of the Group "Lawyer". 2008.

Rassat (1990) – Rassat M.L. Prozedure penale. Paris, 1990.

Woolf H. K. (1996) – Woolf H.K. Access to Justice: Final Report to the Lord Chancellor on the civil justice system in England and Wales. L., 1996. - Text: direct.

Gordon, Gray (1997) – Chester Gordon Bell, James N. Gray. The Revolution Yet To Happen Introduction, in book: Beyond Calculation: The Next Fifty Years Of Computing. (March 1997), Springer-Verlag New York. Pp.5-32

Scheers, Thiriar (2013) – D. Scheers en P. Thiriar, “De moeilijke weg naar een elektronisch dossier. Nieuwe procedure regels vanaf 1 januari 2013”, RW No. 31, 2012-2013. – Text: direct

Davis (2001) – Davis J.R. Criminal Justice in New York City. - New York, 1990. P. 5 (cit. by: Ponomarenko S. S.) Plea deals in the Russian criminal process // Pravovedenie. – 2001. – No 5.